

Rachel Kushner

THE MARS ROOM

РЭЙЧЕЛ
КУШНЕР

КОМНАТА
НА
Марсе

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К96

Rachel Kushner
THE MARS ROOM
Copyright © 2018 by Rachel Kushner
All rights reserved

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Кушнер, Рэйчел.
К96 Комната на Марсе / Рэйчел Кушнер ; [перевод с английского Д. А. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105125-9

Роми Холл — бывшая стриптизерша. Но это в прошлом. В будущем — два пожизненных срока в одной из тюрем Калифорнии. За забором остались маленький сын Джексон и Сан-Франциско ее молодости. Внутри тюрьмы ее ожидает новая реальность: тысячи женщин, пытающихся выжить, жестокость охраны и заключенных, абсурд жизни за решеткой, описанный с юмором и вниманием к деталям.

«Комната на Марсе» — роман, шокирующий в своей откровенности и совсем не сентиментальный в описаниях быта женщины, чья жизнь превратилась в катастрофу.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105125-9

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Я чувствую воздух другой планеты.
Дружеские лица, смотревшие на меня,
Теперь растворяются в темноте.

I

I

Ночь в цепях бывает раз в неделю, по четвергам. Раз в неделю наступает особенный момент для шестидесяти женщин. Для кого-то из них этот особенный момент наступает снова и снова. Для них это обычное дело. Для меня он наступил только один раз. Меня разбудили в два часа ночи, надели браслеты и назвали мое имя и номер, Роми Лэсли Холл, заключенная W314159, после чего поставили в ряд с остальными для ночного объезда долины.

Когда наш автобус выехал за пределы тюрьмы, я приклеилась к окну, забранному стальной сеткой, чтобы увидеть мир. Смотреть особо было не на что. Подземные переходы и дорожные развилки, темные безлюдные бульвары. На улицах никого не было. Мы ехали сквозь ночь в такой момент безвременья, когда светофоры не переключались с зеленого на красный, а просто светились желтым. Показалась еще одна машина сбоку от нас. Без огней. Она темным пятном демонической энергии рванула мимо автобуса. Была одна девчонка в моем блоке в окружной тюрьме, которой дали пожизненно просто за вождение. Она ничем не ширялась, она это всем говорила, кто был готов слушать. Она не ширялась. Все, что она делала, — это вела машину. Всегонавсего. Они считали ее номерной знак. У них работал видеоконтроль. Все, что у них было, — это изображение машины, ночью, движущейся по улице, сперва с огнями, потом без огней. Если водитель вырубает огни, это

предумышленное. Если водитель вырубает огни, это убийство.

Нас возили в такой час не без причины, по многим причинам. Если бы они могли запулить нас в тюрьму в капсуле, они бы так и сделали. Что угодно, чтобы ограждать нормальных граждан от нас, кучки женщин в наручниках и цепях в шерифском автобусе.

Кое-кто помоложе скулил и всхлипывал, когда мы выезжали на шоссе. Одна девчонка в клетке была, похоже, на восьмом месяце беременности, с таким животом, что ей понадобилась двойная цепь на талию, чтобы пристегнуть руки к бокам. Она икала и вздрагивала, все лицо было заревано. В клетку ее посадили из-за возраста, чтобы защитить от остальных. Ей было пятнадцать.

Женщина впереди обернулась к плакавшей и зашипела, словно перцовый баллончик. Но без толку, и тогда она выкрикнула:

— Да заткнись ты, черт возьми!

— Ё-мое, — раздалось с сиденья наискось от меня.

Я из Сан-Франциско и давно привыкла к трансам, но эта особа выглядела как реальный мужик. Плечи шириной с проход и борода по краю челюсти. Очевидно, она была из камеры с коблами, где держат таких мужланок. Ее звали Конан, и мне еще предстояло узнать ее.

— Ё-мое, она же еще девчонка. Пусть поплачет.

Но недовольная сказала Конан заткнуться, они начали препираться, и пришлось вмешаться копам.

Есть такие бабы в СИЗО и тюрьмах, которые всем раздают указания, и та, что требовала тишины, была как раз такой. Если подчинишься их требованиям, они станут требовать большего. Нужно давать им отпор, или останешься ни с чем.

Я уже научилась не плакать. Два года назад, когда меня арестовали, я плакала как заведенная. Моя жизнь была кончена, и я это понимала. В первую ночь в СИЗО я все время надеялась, что этот бредовый сон сейчас кончится, и я проснусь. Но всякий раз, как я просыпалась,

я оставалась на том же зассанном матрасе, слыша тот же лязг дверей (по-тюремному — роботов), крики психанутых баб и сигналы тревоги. Девчонка в камере со мной, не психанутая, грубо встряхнула меня, чтобы привести в чувство. Я взглянула на нее. Она повернулась ко мне спиной и задрала тюремную рубашку, открыв наколку на поясице, блядскую метку. Там было выведено:

Захлопни ебало.

Это сработало. Я перестала плакать.

Это был момент особой близости с сокамерницей. Она хотела мне помочь. Не каждая может взять и захлопнуть ебало, и хотя я пыталась, я была не такой, как моя сокамерница, которую позже я стала считать кем-то вроде святой. Не из-за наколки, а из-за верности уставу.

Копы посадили меня в автобус в паре с еще одной белой. Шатенкой с длинными и жидкими лоснящимися волосами и широкой стремной улыбкой, словно из рекламы отбеливателя зубов. Мало у кого в СИЗО или тюрьме белые зубы, и ее тоже не отличались белизной, но она все время по-дурацки лыбилась. Мне это не нравилось. Впечатление было такое, словно ей сделали лоботомию. Она назвала мне свое полное имя — Лора Липп — и сказала, что ее переводили из Чино в Стэнвилл, словно ей было нечего скрывать. Кроме нее никто не называл своего полного имени и не пытался выдать мне правдоподобный отчет о том, кто они такие, при первом знакомстве — никто так не делает, и я не исключение.

— Липп, с двумя «п», это фамилия моего отчима, которую я взяла потом, — сказала она.

Как будто я просила разъяснений. Как будто это могло что-то значить для меня, тогда или вообще.

— Мой отец-отец был Калпеппером. Это Калпепперы из Яблочной долины, не из Викторвилла. Потому что в Викторвилле есть ремонт обуви Калпеппера, понимаешь? Но это просто совпадение.

В автобусе не разрешалось разговаривать. Но ее это как будто не касалось.

— Моя семья насчитывает три поколения в Яблочной долине. Можно подумать, это такое чудесное место, да? Прямо чуешь аромат цветущих яблонь, слышишь жужжание пчел и думаешь о свежем сидре и теплых яблочных пирогах. Каждый год в уголке рукоделия уже с июля можно купить осенний декор — яркие листья и пластмассовые тыквы. Главное, чем известна Яблочная долина, это домашняя выпечка и метиловый спирт. Но моя семья этим не занимается. Не хочу, чтобы у тебя возникло превратное представление. Калпепперы приносят пользу людям. Мой отец владел строительной фирмой. Не то что семья, откуда был мой муж, которая... Ой! Ой, смотри! Это «Волшебная гора»!¹

По другую сторону большого многополосного шоссе, по которому мы ехали, вздымались белые арки «русских горок».

Когда я перебралась в Лос-Анджелес, за три года до того, этот парк развлечений показался мне воротами в новую жизнь. Это было первое внушительное зрелище, возникшее передо мной, когда шоссе повернуло на юг — яркое, уродливое и будоражащее. Но теперь это было не важно.

— Со мной в блоке была леди, которая похищала детей в «Волшебной горе», — сказала Лора Липп, — со своим психанутым мужем.

У нее была манера поправлять свои лоснящиеся волосы, не прикасаясь к ним, словно она управляла ими электричеством.

— Она рассказала мне, как они проделывали это. Люди доверяли ей и ее мужу потому, что они были стариками. Ну, знаешь, приятные такие, милые пожилые люди, а у мамы, может, детишки разбегаются во все

¹ Парк развлечений в городе Санта-Кларита в штате Калифорния.

стороны, и она гонится за кем-нибудь, а тут эта старая леди — я делила с ней камеру в УЖКе¹, и она рассказала мне, как все проходило: она сидела там, вязала что-нибудь и предлагала присмотреть за ребенком. Как только родитель пропадал из вида, ребенка вели в туалет с ножом у горла. Эта старая леди со своим мужем разработала схему. На ребенка надевали парик, другую одежду, и затем эти старые подлюки вытаскивали бедняжку из парка.

— Кошмар, — сказала я и попыталась отстраниться от нее, насколько позволяли цепи.

У меня самой есть сын, Джексон.

Я люблю его, но мне тяжело думать о нем. Я стараюсь не думать о нем.

Мама назвала меня в честь одной немецкой актрисы, которая сказала грабителю банков на телешоу, что он ей очень нравится.

Очень даже, сказала актриса, ты мне очень нравишься.

Как и немецкую актрису, его пригласили на передачу, чтобы взять интервью. Приглашенные почти не разговаривали между собой, сидя на стульях слева от стойки с телеведущими. Они по очереди пересаживались со своих мест к краю.

«Начинай с середины к краю», — сказал мне в свое время один хрен о столовых приборах. Я никогда не учила этого, и никто мне не объяснял. Он платил мне за свидание и, видимо, считал, что останется в убытке, если не будет весь вечер шпынять меня по мелочам. Уходя из его номера в отеле ночью, я прихватила сумку с покупками, стоявшую у двери. Он этого не заметил, поскольку решил, что я отработала деньги и он может

¹ Учреждение для женщин Калифорнии (*англ.* California institution for women (CIW) — женская тюрьма.

валяться в постели, не обращая на меня внимания. Сумка была из «Сакс Пятая авеню», и в ней было много других сумок — все с женскими подарками, вероятно для жены. Безвкусные и дорогие шмотки, которые я никогда бы не стала носить. Я вышла с сумкой из отеля и засунула ее в мусорный бак по пути к машине, которую оставила через пару кварталов, в гараже на Мишн-стрит, потому что не хотела, чтобы этот тип хоть что-то узнал обо мне.

На крайнем стуле в телестудии сидел грабитель банков, которого пригласили, чтобы он рассказал о своем прошлом, а немецкая киноактриса сидела рядом, и она повернулась к нему и сказала, что он ей нравится. Моя мама назвала меня в честь этой актрисы, которая заговорила с грабителем, а не с ведущим.

Думаю, ему понравилось, что я украла эту сумку. Он хотел регулярно видеться со мной. Он искал себе подружку для острых ощущений, и я знала, что много женщин считали это золотым стандартом: одно свидание с таким мужчиной — и он тебе оплатит жилье на год вперед; все, что тебе нужно, это подцепить такого — и ты устроена. Я пошла на это свидание потому, что меня уговорила давняя подруга, Ева. Иногда тебе хочется того, что хотят другие, непроизвольно, и только потом ты понимаешь, что сама хочешь чего-то другого. Тем вечером, пока этот чурбан из Силиконовой долины разыгрывал близость между нами, словно мы любовники, — относился ко мне как к грязи, говорил, что я симпатична в «общепринятом» смысле, сорил деньгами напоказ, подчеркивая социальную пропасть между нами, как будто у нас были отношения, но, поскольку платил он, я должна была играть по его правилам, и он мог указывать мне, что говорить, как ходить, что заказывать, какой вилкой пользоваться, а я должна была делать вид, что наслаждаюсь, — я осознала, что роль

такой подружки не по мне. Я лучше буду зарабатывать, искушая клиентов частными танцами в «Комнате на Марсе» на Маркет-стрит. Меня не волновал вопрос «честных денег», только вопрос отвращения. Я усвоила, что легче тереться о клиента, чем что-то говорить ему. У всех свои критерии, и каждая сама решает, на что готова. Я не могу изображать дружбу с клиентом. Мне не хотелось никого подпускать к себе, хотя я выделяла для себя пару ребят. Один был Джимми Борода, вышибала, который только хотел, чтобы я делала вид, что разделяю его садистский юмор. И еще Дарт, ночной менеджер, потому что у нас обоих были классические машины, и он всегда говорил, что хочет отвезти меня на автошоу «Жаркие ночи августа» в Рино. Он меня просто подкалывал и был для меня просто ночным менеджером. «Жаркие ночи августа». Такие шоу не по мне. Я ходила на гонки по грязи в Сономе с Джимми Дарлингом, ела хот-доги и пила бочковое пиво, пока гоночные тачки месили грязь на трассе, обтянутой цепью.

Некоторые девушки из «Комнаты на Марсе» старались как могли, чтобы завести себе постоянных клиентов. Я к этому не стремилась, но такой клиент у меня завелся, Курт Кеннеди. Укурок Кеннеди.

Иногда я думаю, что Сан-Франциско проклят. Но главное, я считаю его унылым отстойником. Люди говорят, он прекрасен, но эта красота видна только приедем, а тем, кто вырос там, она невидима. Вроде синих проблесков залива через подворотни вдоль улицы, огибающей задворки парка «Буэна-виста». Потом, уже в тюрьме, я представляла все это, словно гуляя по городу бесплотным духом. Дом за домом, я смотрела на все, что только можно, прижималась лицом к калиткам в подворотнях Викторианского квартала вдоль восточной стороны кафе «Буэна-виста», видела синюю воду, смягченную легчайшей дымкой, влажным поцелуем,

знойным маревом. Когда я была на воле, эти виды не вызывали у меня восхищения. Когда я была подростком, этот парк был местом, где мы выпивали. Где пожилые мужчины искали, с кем бы развлечься, и валялись на матрасах в кустах. Мальчишки, которых я знала, били этих искателей приключений, а одного сбросили с утеса после того, как он купил им ящик пива.

В детстве я жила с мамой в городке Морага, и оттуда было видно, с Десятой авеню, парк «Золотые ворота», затем парк «Президио» и кирпично-красные верхушки моста «Золотые ворота», а еще дальше крутые зеленые склоны холмов Мартин-хедлэндс. Я знала, что для всех людей на свете мост «Золотые ворота» считается чем-то особенным, но для меня и моих друзей он ничего не значил. Нам просто хотелось оттянуться. Для нас этот город был липкими пальцами тумана, пробиравшимися под одежду — вечно эти липкие пальцы, — и большими ключьями влажного тумана, окутывавшими Джуда-стрит, пока я ждала на присыпанных песком рельсах трамвая N, который в ночное время ходил раз в час, все ждала и ждала, в джинсах, забрызганных грязью из луж на парковке пляжа Оушн-бич. Или грязью от покорения Кислотной горы, то есть любой горы под кислотой. Помню неприятное ощущение тяжести на джинсах от затвердевшей грязи. Неприятное ощущение от кокаиновых тусовок с незнакомцами в мотеле в Колме, рядом с кладбищем. Этот город был промокшими ногами и отсыревшими сигаретами на дождливой пивной вечеринке в баре «Роща». Дождь, и пиво, и драки до крови в День св. Патрика. Помню, как мне стало плохо от «Бакарди 151», и я раскроила себе подбородок о бетонный бордюр в «Минипарке». Помню, как кого-то откачивали после передоза в притоне для белых на Большом шоссе. Помню, как кто-то приставил заряженную пушку к моей голове без всякой причины в пивной «Большой оттяг», где в парке рядом играли в бейсбол. Это было ночью, и этот псих пристал к нам,

когда мы сидели и пили наши сороковки¹ — ситуация настолько типичная, даже если со мной такого больше не случилось, что я не помню, чем все кончилось. Для меня Сан-Франциско был городом МакГолдриков и МакКиттриков, Бойлсов и О'Бойлса, Хиков и Хики с наколками «Да здравствует Ирландия», затевавшими драки и побеждавшими.

Наш автобус перестроился в правую полосу и стал тормозить. Мы съехали у выхода из «Волшебной горы».

— Они везут нас на карусели? — спросила Конан. — Это будет отпад.

«Волшебная гора» была слева, по другую сторону шоссе. А справа было окружное исправительное учреждение для мужчин. Наш автобус повернул направо.

Мир разделился надвое — на добро и зло, связанные вместе. Парк развлечений и окружная тюрьма.

— Ну и ладно, — сказала Конан. — Не очень-то хотелось. Билеты чертовски дорогие. Уж лучше я бы вернулась в большой О. Ор-лан-до.

— Слушайте эту дуру, — сказала кто-то. — Не бывала ты ни в каком Орландо.

— Я там двадцать штук спустила, — сказала Конан. — За три дня. Привезла мою девочку. Ее детишек. Люкс с джакузи. Пропуск во все зоны. Стейки из аллигаторов. Орландо — это отпад. Намного отпадней, чем этот автобус, это точно.

— Думала, они везут тебя в «Волшебную гору», — сказала женщина напротив Конан. — Тупая пизда.

Все лицо у нее было в наколках.

— Ё-мое, да ты ходячая картинка. Я вот смотрю на нашу группу и голосую за тебя как за главную претендентку на успех

Она фыркнула и отвернулась.

¹ Дешевые солодовые напитки в стеклянных бутылках объемом 40 унций (1,14 л.).